

Познание основ православной веры

- [Главная страница](#)
- [Путь к святости](#)
- [Евангелие](#)
- [Молитвословия](#)
- [Вера и наука](#)
- [Форум "Вера"](#)
- [Фотоальбомы](#)
- [Тесты](#)
- [Доска объявлений](#)

Житие священномученика Петра, архиепископа Воронежского

Священномученик Петр (в миру Василий Константинович Зверев) родился 18 февраля 1878 года в селе Вишняки под Москвой. Его отец был священником в этом селе. У о.Константина и матушки Анны были еще 2 старших сына – Арсений и Кассиан, и младшая дочь Варвара.

Удивительным образом детские игры детей предрекли их судьбу. Арсений любил возиться с бумагами и впоследствии стал чиновником. Кассиан любил играть в войну и стал офицером (убит на фронте в 1914 году). Василий же играл в церковные службы, подражая всему увиденному в храме дома. С раннего утра он уходил вместе с отцом на службу, подходя всегда к началу богослужения. Звонарь, видя приближающегося священника, ударял три раза в колокол, а Василий считал, что два раза звонят отцу, а третий раз — ему. Возвращаясь домой,

мальчик продолжал служить свои детские литургии, панихиды, венчания. Церковная служба становилась частью его жизни, но как у всех детей, были и детские шалости, на которые о.Константин реагировал очень строго.

Впоследствии владыка Петр (Зверев) рассказывал о себе детям как бы в назидание: "В детстве я был очень толстый и пухлый, и взрослые любили меня тискать, а я этого очень не любил. И вот вижу сон. Сидит за столом Спаситель в синей и красной одежде и держит меня на руках. А под столом — страшная собака. Спаситель берет мою руку и протягивает под стол собаке со словами: "Ешь ее, она дерется". Я проснулся и с тех пор уже никогда не дрался, а во всем старался себя сдерживать, не сердиться и не делать ничего дурного. Вам, мальчишкам, всегда хочется попробовать курить. А у нас отец строгий был, он нам однажды сказал: "Если кто будет курить, губы оторву!" Но попробовать все-таки хотелось. Выкурил я папиросу и пошел в церковь. Было Прощеное воскресенье. Запели: "Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя..." Это было самое мое любимое песнопение. Но тут у меня нестерпимо закружилась голова, и пришлось мне выйти из храма. С тех пор я уже не пробовал курить".

Василий окончил Московскую классическую гимназию в 1895 г., проучился 2 курса Московского университета на историко-филологическом факультете (1895-97) и, наконец, подал прошение с просьбой зачисления на первый курс Казанской Духовной академии (1899-1902), куда и поступил после проверочных испытаний. С детства наученный послушанию и, горя желанием помогать людям, отдавая всего себя на служение Богу, Василий принял решение принять монашество. 19 января 1900 г. он принял постриг с именем Петр, 23 января 1902 г. рукоположен в иеродиакона, 15 июня - в иеромонаха, а к концу обучения удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии. Его труд "Экзегетический анализ первых двух глав послания апостола Павла к Евреям", над которым он работал несколько лет не только ради защиты диссертации, но "для собственного назидания и большего знакомства со всем Священным Писанием", до сих пор переиздается и пользуется спросом у читателей. Нужда в толковании этого послания апостола Павла, которое начал делать еще святитель Феофан Затворник, но не смог закончить по причине блаженной кончины, была велика и в то предреволюционное время, когда люди начали попираť Закон Божий, ратуя за мнимую свободу. Апостол же Павел говорил:

По окончании академии о. Петр преподавал в Орловской Духовной семинарии, затем назначен исполняющим настоятеля в Князь-Владимирскую церковь при Московском епархиальном доме с определением на должность епархиального миссионера. Так началась его активная деятельность против сект, которая впоследствии пригодилась ему на архипастырской должности. Двери его квартиры уже в те годы были открыты для тех, кто нуждался в совете и помощи. В 1907 году иеромонах Петр был назначен инспектором Новгородской Духовной семинарии, а еще через 2 года - настоятелем Белевского Спасо-Преображенского монастыря Тульской епархии.

*Настоятель Белевского Спасо-Преображенского монастыря
иеромонах Петр. 1909 год*

Монастырь находился недалеко от Оптиной пустыни, что позволяло молодому настоятелю постоянно общаться с оптинскими старцами, которые высоко ценили его духовную настроенность и часто сами направляли к нему людей для духовного руководства. Побывав в Саровском и Дивеевском монастырях, о. Петр познакомился с блаженной Прасковьей Ивановной Дивеевской, которая оказывала ему особое расположение. Блаженная даже подарила ему своей работы холст, из которого ему впоследствии сшили архиерейское облачение, и он бережно его хранил, предполагая быть в нем погребенным.

Белевский Спасо-Преображенский монастырь

Отец Петр неустанно проповедовал слово Божие, стараясь открыть людям глаза на то ужасное положение, в котором они оказались. Внешние беды он всегда соотносил с внутренними: «И как не быть смертоносным язвам в стране нашей, когда мы отступаем от Бога и навлекаем на себя Его праведный гнев?! Еще удивляться надо безмерному долготерпению Божию, что Он милостиво карает нас, надо горячо благодарить Его, что не погубляет нас окончательно... Покаемся же и исправимся, и обратимся к Богу, от Которого отступили!»

В 1910 году иеромонах Петр был возведен в сан архимандрита.

Активная деятельность владыки многим не давала покоя. На него клеветали, доносили, угрожали, предупреждали, что не допустят стать епископом. «Мы доставим ему счастье проехать на Соловки», — писалось в доносах. Несколько лет продолжались эти нападки, давшие возможность будущему святителю укрепиться в борьбе с врагом рода человеческого, приобрести мудрость в обращении с людьми, научиться возлагать все упование на Бога, полностью отдаваясь молитве за себя и весь мир.

Архимандрит Петр часто служил в сельских храмах Белевского уезда. Когда он приезжал, то на службу приходило очень много народа, так что все не помещалось в храме, но при этом на молитве царило благоговение и тишина. Никто не перешептывался, знакомые слова пел весь народ. Многие шли к владыке с просьбами помолиться за них, иногда поговорить и рассказать о своем горе. Никто не уходил не утешенным, к любому человеку он мог найти подход, поддержать, наставить как истинный пастырь своего стада. Порой, его слова были очень строгими, но то назидание, которое он преподавал людям, также весьма ценилось и принималось как должное.

Во время одной из эпидемий, случившихся в ту пору, архимандрит Петр обратился к населению с особым словом: «Все еще из разных мест получают сообщения о том, что по стране нашей распространяются заразные болезни, которые уносят в могилу целые тысячи людей. Неудивительно, что при столь страшном явлении люди приходят в беспокойство и стараются придумать всевозможные средства, чтобы отклонить от себя надвигающуюся грозу... Но вот горе наше, что мы изобретаем всё не то средство, которое бы действительно нас избавило от ужасной, никого не милующей болезни. Мы стараемся пользоваться разными сыворотками и прививками... Все комиссии и подавляющее большинство частных людей совершенно оставляют в стороне только духовное начало в человеке — его душу, только не желают о ней подумать, да впрочем, они и не могут желать думать о ней, так как, кажется, и не подозревают, что она у них есть и нуждается в попечении гораздо более, чем тело... Они так далеки стали от всего духовного, что не могут поверить, что главное и единственное зло всех болезней, несчастий и страданий на земле есть грех, который и надо уничтожать, с которым и нужно бороться, во что бы то ни стало, всеми силами, как бы трудно это ни было. А все эти вибрионы, микробы и бактерии — только орудие и средство в руках Промысла Божия, ищущего спасения души человеческой. Знает Бог, что дорога нам земная жизнь, что дорого нам тело, и вот на это-то и направляет Свои удары, чтобы мы опомнились и раскаялись. Посылая мор на людей, Господь тем самым напоминает нам всегда иметь пред глазами своими смерть, а за нею и Страшный суд, за которым последует вечное наказание нераскаянных грешников...

К Нему-то и нужно прежде всего обращаться с молитвою о помиловании и об отвращении праведного гнева Его. Но молясь, надо стараться быть достойными милости Божией. Необходимо сознать грехи свои, раскаяться в них, решиться вести жизнь свою согласно заповедям евангельским.

С покаянием должно соединить пост и воздержание, должно отказаться хоть на время от разных удовольствий, игр, зрелищ и праздного времяпровождения. Но как-то страшно становится от того, что видишь вокруг: с одной стороны, как будто и боятся заразных, губительных болезней, страшатся смерти и в то же самое время предаются необузданному веселью, забавам, зрелищам, совершенно забывая свои священные обязанности по своему званию православных христиан... Хотя уже бесконечное число раз говорено и переговорено о том, что наша интеллигенция далека от народа и не знает и не понимает его, но еще раз хочется крикнуть так, чтобы услышали, наконец, кому слышать надлежит: "Да постойте, Бога ради, будьте добросовестны и беспристрастны, сойдите с высоты своего величия и прислушайтесь к тому, что говорит народ!.. Пощадите, пожалейте душу народную! Вы толкуете о просвещении, вы скорбите, что народ наш темен, вы строите школы, а сами в то же время

вносите тьму в среду его, развращаете его, заменяете истину Христову ложью язычества, содействуете возвращению народа к нравам языческим!.. И как не быть смертоносным язвам в стране нашей, когда мы отступаем от Бога и навлекаем на себя Его праведный гнев?! Еще удивляться надо безмерному долготерпению Божию, что Он милостиво карает нас, надо горячо благодарить Его, что не погубляет нас окончательно, и слезно умолять Его, чтобы Он не дал осуществиться злему делу и открыл сердечные очи тем, кому вверено попечение о душе народной. Покаемся же все и исправимся, и обратимся к Богу, от Которого отступили!"

При всей строгости владыки Петра сельчане отмечали его ласковое, внимательное обращение с простым народом. Ясные голубые глаза словно говорили об его открытости и любви к людям. Батюшка очень любил детей. Приезжая в сельские храмы, он брал с собой детский хор.

Вот как описывает один из свидетелей посещение храма в селе Песковатом: «Сгущались сумерки. На паперть вышел архимандрит Петр и направился к дому священника, и за ним весь народ, певший "Христос воскрес". И далеко по округе разносилось это радостное пение.

На следующий день была отслужена литургия. Народа было еще больше, чем накануне. После отпуста архимандрит Петр вышел на амвон и стал говорить. Простые слова, ясный взгляд. Он говорил о Христе Спасителе, об убожестве храма в приходе и, наконец, перешел к обличению ересей. Больше всего он говорил о местных сектантах — скопцах и хлыстах. Ярко и убедительно архимандрит Петр опровергал то, что сектанты ставили себе в заслугу и оправдание, он обрисовал картину фальши, себялюбия, тунеядства, изуверства, вреда для тела и для души, который по своему невежеству и фанатичному ослеплению причиняют эти секты своим сторонникам. Во время проповеди один из скопцов протиснулся к выходу и понуро поплелся домой. Впечатление от проповеди было громадное”.

При всем этом владыка, как человек смиренномудрый, желал, чтобы народ шел не за ним, а за Христом, поэтому заботился о том, чтобы люди увидели в своих пастырях образ Христа. Свои размышления он публиковал в Тульских епархиальных ведомостях. Вот одна из заметок: «На днях заходил ко мне один сельский протоиерей — отец Алексей. Высокого роста, стройный, худой, весь седой, с добрыми проникновенными глазами, смиренный, приветливый, добродушный — он произвел на меня самое хорошее впечатление. Давно он священствует, но священствует в бедном приходе: "Мой доход равняется доходу псаломщиков в окружных селах, — говорил он, — но я никогда не искал себе лучшего прихода; я верю, что Господь благословил мне потрудиться именно здесь. Ох, сколько я видел на себе милостей Божиих! Я вас давно поминаю, и родителя вашего поминаю. (Надо сказать, что мы увиделись только впервые, а до сего времени я даже никогда не слыхал об отце протоиерее.) У меня такое правило — я поминаю всех. Живых поминаю более семисот, а усопших — и не знаю сколько. Ведь это нетрудно. Знаете, ведь они все записаны. На проскомидии, во время Херувимской песни и "Достойно" я читаю, а потом вздохну (тут отец протоиерей приложил руку к персям, устремил глаза свои к небу, и весь взор его как-то просветлел — будто он увидел Господа и просил Его за живых и усопших), потом снова читаю и снова вздохну; я всегда так. Протоиереем я недавно сделан. Это сделал меня преосвященный, который обратил внимание на то, что я никогда ни одной свадьбы не венчаю без того, чтобы жених и невеста не знали Символа веры и молитвы Господней наизусть и с объяснениями. Трудно обучать их, но все же они обучаются... На мне вся одежда чужая, я не могу делать себе — средств нет, но слава Богу за все". Действительно, отец протоиерей весьма бедно одет. Когда мы стали расставаться, отец протоиерей подошел к иконам, приложился, помолился и стал сердечно желать мне небесных даров от Бога.

Предо мною ясно вырисовывалось все величие и красота души старца. Я представил себе следующее: бедный сельский приход, удаленный от губернского города на сто пятьдесят верст, грубый деревенский народ, все более и более развращаемый за последние годы, постоянные труды, хлопоты, службы, требы, ведение хозяйства, занятия с прихожанами, недостатки, так что к концу жизни не только не скоплено на черный день, но даже нет средств, чтобы сделать себе одежду: скудные средства ведь нужны были сиротам, которых приходилось еще воспитывать, да и бедным чадам своим о Господе. Кроме нищеты, на старость осталась еще боль в ногах, о которой отец протоиерей говорит как-то добродушно, будто она не у него, будто не его ноги отнимаются. Это, так сказать, все внешние скорби, а сколько скорбей незримых, внутренних, о которых нет сил повествовать, потому что их так много и они так всем хорошо понятны!

Подумайте теперь, какова же должна быть крепость души, каково величие духа, какова непоколебимость в достижении поставленной цели, какова преданность воле Божией, каковы смирение, вера, терпение, сострадание, любовь к Богом данным прихожанам, если, несмотря на все тяготы, труды, лишения, скорби и напасти, отец протоиерей не поддался духу лукавому, так часто многих из нас прельщающему, не прельстился ни богатством, ни славою, ни ризным украшением, а остался до заката дней своих на своем посту, в глуши, в неизвестности, в трудах, среди любимых им пасомых, остался делить с ними до гроба все их нужды, скорби и радости!

А каково его бескорыстие! Он молится за живых и усопших, знаемых и незнаемых, молится бескорыстно, без надежды не только получить благодарность за свое доброе дело, но даже без надежды на то, что об этом узнают те живые, за которых он молитвы возносит. Он молится просто потому лишь, что молитва — его дыхание, потому, что, как пастырь, он считает нужным молиться, ибо знает, что вс, от Бога, знает, какое великое значение имеет молитва для живых и особенно для усопших, которые сами себе никак уже не могут помочь. Он молится не за родных только или знакомых, нет, он молится даже и за тех, которых никогда не видал и не знал. Он знает лишь одно, что они нуждаются в молитве, и он скромно, тихо, незаметно делает доброе дело, творит милостыню.

И вот такими-то молитвенниками и стоит еще мир, ими-то вот и поддерживается вера и жизнь наша...

Таких подвижников — молитвенников может воспитать и иметь одно лишь православие. И дай Бог, чтобы их было как можно больше”.

Когда начались военные действия в 1914 году, в Спасо-Преображенском монастыре был устроен лазарет на двенадцать кроватей, из которых пять были на полном содержании монастыря. В октябре 1916 года Святейший Синод постановил направить архимандрита Петра в распоряжение епископа Алеутского Евдокима (Мещерского) для миссионерской службы в Северо-Американской епархии, но поездка не состоялась, и архимандрита Петра отправили проповедником на фронт, где он пробыл до февральской революции 1917 года. У него был очень хороший, сильный голос, сочетающийся с неподдельной искренностью и мудростью, так что каждое слово проповеди надолго заседало в душу солдат и офицеров.

В 1917 году архимандрит Петр был назначен настоятелем Успенского монастыря в Твери, в 1919 года в Москве состоялось наречение архимандрита Петра во епископа. На следующий день, в праздник Сретения, он был хиротонисан святым Патриархом Тихоном (Белавиным) во епископа Балахинского, викария Нижегородской епархии. В то время правящим архиереем Нижегородской епархии был архиепископ Евдоким (Мещерский), которого владыка хорошо знал по службе в Белеве.

После хиротонии епископ Петр приехал в Нижний Новгород и поселился в Печерском монастыре на берегу Волги.

До этого здесь жил епископ Лаврентий (Князев), расстрелянный большевиками в 1918 г. К началу XX века монастырь находился в упадке, древний Вознесенский собор пришел в запустение. Сразу по своем прибытии владыка Петр принялся за уборку храма, завел в обители строгую уставную службу.

В малые праздники служба продолжалась около пяти часов, в воскресные дни – шесть часов, а в двенадцатые праздники – семь, то есть с пяти часов вечера до двенадцати ночи. В первую неделю Великого поста службы продолжались по тринадцать-четырнадцать часов в день. Поскольку профессиональным певчим трудно было выдерживать продолжительные богослужения, он привлек к участию в службах народ. Несмотря на столь продолжительные службы и самое простое пение, храм всегда был полон народу. С благословения архиепископа Нижегородского Евдокима епископ Петр обратился с посланием к благочинным Нижегородской епархии, призывая их в своих благочиниях также завести общенародное пение, и объяснял им его великую пользу, поскольку прихожане, участвуя в богослужении, проявляют большее благоговение в молитве.

Сам владыка служил во все большие и малые праздники, зачастую сам читал шестопсалмие. В будние дни епископ служил литургию в домовой церкви. В его служении никогда не было спешки, каждое слово произносилось громко, отдельно и четко. Каждый праздник после богослужения говорил проповедь, а для детей организовал преподавание закона Божия. Дети так привязались к нему, что собирались толпой у его крыльца. По дороге владыка что-нибудь им рассказывал, часто из своей жизни.

Акафистов за всю ночь читать не благословлял, только на молебнах, зато требовал, чтобы полностью вычитывались кафизмы. Как-то раз епископа пригласили служить в один из храмов и на всю ночь почти полностью пропустили кафизмы. Епископ Петр позвал настоятеля и сказал ему: “Почему ты не любишь царя Давида? Люби царя Давида”. Панихиды также всегда служил полностью, по уставу, с семнадцатой кафизмой, без всяких сокращений. “Кто отслужит по мне такую панихиду?” – говорил он. Будучи в Воронеже, владыка говорил своему келейнику о. Иннокентию: “Во всем твой Петр грешен, только устава никогда не нарушал”.

Постоянная память о своих грехах делала епископа простым в глазах людей и кротким перед Богом. Как-то владыка Петр обратился к народу, прося помочь навести порядок, и сам первый влез на лестницу и промыл часть потолка, а незадолго до Пасхи сам вышел очищать от снега двор монастыря. Кто-то спросил его:

— Что это вы так трудитесь, владыко святой?

— Да как же? Надо будет в Великую Субботу с крестным ходом идти, а кругом снег, идти негде.

Возрастающая популярность епископа Петра среди верующих не нравилась архиепископу Евдокиму - он стал завидовать своему викарию и вскоре возненавидел его. Народ же почитал о. Петра за истовое служение, искренность в вере и большую любовь к людям, которую они особо чувствовали в беседах и проповедях. Епископа стали приглашать на все престольные праздники в городские храмы, не думая о том, что между ним и епархиальным архиереем, который также был на таких службах, отношения были обострены.

Однажды перед началом Великого поста 1920 года в Прощеное воскресенье архиепископ Евдоким служил в городе, послав епископа Петра служить в Сормово, которое располагалось довольно далеко от Нижнего Новгорода. Извозчиков в то время не было, и епископ ходил в храм на службы пешком. Возвращаясь после службы в Печерский монастырь, он зашел на Дивеевское подворье, где жил архиепископ, чтобы попросить прощения перед Великим постом. Он вошел в покои архиепископа Евдокима, повернулся к иконам, помолился, затем поклонился архиепископу в ноги и, поднявшись, сказал:

– Христос посреди нас.

Вместо ответа: “И есть и будет”, архиепископ сказал:

– И нет и не будет.

Молча епископ Петр повернулся и вышел. Впоследствии, как известно, архиепископ Евдоким отпал от Православной Церкви, уклонившись в обновленческий раскол.

В 1920 г. епископ Петр часто служил в Сормово, быстро приобретя любовь со стороны рабочих. В следующем году больше времени пребывал в с.Канавино, подворье Городецкого монастыря. Когда в мае 1921 года власти арестовали епископа, рабочие сормовских заводов объявили забастовку и бастовали три дня. Власти пообещали рабочим, что отпустят архиерея, но вместо этого отправили его в Москву, в ЧК, на Лубянку. Его обвинили в разжигании религиозного фанатизма в политических целях. С декабря он находился в заточении в московских тюрьмах: Лубянке, Бутырской и Таганской.

Находясь в заключении, епископ Петр и в камере не переставал проповедовать. Находясь в тюрьме, он постоянно просил присылать ему кресты, чтобы дарить их обращенным им в православную веру людям. В Таганской тюрьме епископ тяжело заболел от истощения, образовались гнойные фурункулы на голове, так что его вынуждены были положить в больницу. Но к концу июля епископа уже отправили на этап в Петроград. Перед отправкой разрешили свидание с духовными детьми владыки. Они шли вместе через весь город до Николаевского вокзала в сопровождении конвоя. Солдаты, охранявшие архиерея, не препятствовали этому и не мешали им разговаривать. Обладая великой силой духа, епископ оставался пастырем для своих духовных чад. Рассказывая им о своем пребывании в тюрьме, он не забывал и о Промысле Божиим, и о покаянии, которое должно неотступно сопровождать каждого человека. Свою беседу владыка закончил словами: “Как хотел бы я открыть свое сердце и показать вам, как страдания очищают сердце”.

В тюрьме епископ пробыл до 4 января 1922 года. В день памяти великомученицы Анастасии Узорешительницы был освобожден из тюрьмы и уехал в Москву. Всенощную и литургию на Рождество он служил уже в Марфо-Мариинской обители, а на второй день праздника – в храме Христа Спасителя. В Москве он получил от Патриарха назначение быть епископом Старицким, викарием Тверской епархии.

Уехав в Тверь, он снова поселился в Желтиковом монастыре, где еще в 1918 году был настоятелем.

Народ помнил его и встретил в радость. Здесь он сразу принялся за благоустройство богослужения, заведя те же порядки, что были у него в Нижнем Новгороде, организовал паломничества к святым местам.

Порой он сам отправлялся с духовными детьми в Торжок, за шестьдесят километров, чтобы поклониться местным святыням. Шли пешком, дорогой владыка читал акафист преподобному Евфимию, а сопровождавшие его православные пели припев. В Марьине они останавливались на ночлег и на следующий день приходили в Торжок.

Весной 1922 года Нижнее Поволжье постиг голод, и епископ Петр решил, не ожидая разрешения светских властей и распоряжений властей церковных, оказать посильную помощь голодающему населению. Правящего архиерея, архиепископа Серафима (Александрова), в то время в городе не было, поэтому епископ Петр фактически управлял епархией. В марте он созвал совещание членов канцелярии, существовавшей при Тверском архиепископе, на котором было постановлено немедленно приступить к сбору пожертвований. 31 марта 1922 года епископ Петр обратился с посланием к Тверской пастве, которое было разослано по всем приходам и монастырям епархии. Вслед за Патриархом Тихоном, владыка Петр призывал "жертвовать из церковного достояния на святое дело все то, что не является существенно необходимым для совершения богослужения. Что же касается предметов необходимых для совершения святейшего таинства Евхаристии, в случае требований об изъятии, мы благословляем верующим выражать свои письменные протесты, входить в переговоры с представителями власти и ходатайствовать о замене священных предметов".

Для народа были организованы общеобразовательные лекции с тем, чтобы все сборы шли на помощь голодающим. Сам владыка отдал все сколько-нибудь ценные вещи из храма. Некоторые его упрекали за это, а он говорил: "У нас они стоят так. Они лишние. Они не нужны. У нас, значит, они будут стоять, а там люди умирают от голода". Службы в это время вел каждый день, как рядовой священник, утром и вечером, все деньги отдавая в помощь нуждающимся. Начинать служить в девять часов утра, а заканчивал в четвертом часу дня.

Материальное положение духовенства тогда было весьма тяжелым. Бывало, что кто-нибудь из прихожан, видя, что архиерей терпит нужду, отрезал от своего скудного пайка в сто граммов половину хлеба и, завернув в чистую бумагу, подавал владыке. Епископ Петр не отказывался: поблагодарит, улыбнется и возьмет кусочек в пятьдесят граммов хлеба. Зачастую это и была его еда за целый день, но он не отчаивался, поддерживая нуждающихся словом и делом.

Петр, епископ Старицкий, викарий Тверской епархии. 1922 год

Однажды в проповеди владыка рассказал такую историю, которая тронула сердца многих: “У одного мальчика умер папа. Затем умерла мама. Соседи снесли маму на кладбище, а мальчик шел за гробом. И когда все ушли, он остался. Сидел на могилке и плакал. И послал письмо Господу, где написал: "Господи! Господи! Что же Ты не приходишь, ведь мама сказала, что Ты придешь, а Ты не приходишь. Я жду-жду Тебя, а Ты не приходишь". И вот сидел он на могилке у мамы, плакал и говорил: "Мама, ты слышишь, я послал Господу письмо, а Он не приходит". Так он сидел и плакал и наконец уснул.

Вскоре пришел один человек, разбудил мальчика и спросил его, почему он здесь спит. И мальчик ему все рассказал.

"Так вот, — сказал человек, — Господь послал меня к тебе". И он взял мальчика к себе и воспитал его.

Вот видите, как надо просить Господа и как детская молитва доходит до Господа”.

В середине лета служащие епархиального управления, которые не участвовали в богослужении, вообще оказались без средств к существованию. Епископ тут же обратился к благочинным епархии с просьбой о помощи.

Летом 1922 года начался обновленческий раскол. Митрополит Сергей (Страгородский), архиепископ Серафим (Мещеряков) и архиепископ Евдоким (Мещерский) выпустили воззвание, в котором признали законность обновленческого ВЦУ как высшей церковной власти. Прочитав его, епископ Петр высказался о епископе Евдокиме так: “Я это и ожидал...”

Увы, но некоторые священники поддались обновленческому движению. Когда епископ Петр узнал об этом, то тут же запретил их в служении, предав факт запрещения широкой огласке, чтобы предупредить мирян об опасности обновленчества. К Тверской пастве он написал следующее обращение: "У этих живогослуживцев-обновленцев - ничего нет религиозного; они религией лишь прикрываются, они деятели политические, хотя многие и не понимают сего. Мы политикой не должны заниматься, не наше это дело. Мы должны признавать советскую власть, подчиняться ей по христианской совести и держаться строго декрета об отделении Церкви от государства. Нужно обновление не Церкви, а нас самих. Мы не умеем, мы разучились усваивать и понимать благодатный дух

церковных установлений, оттого и кажется нам многое лишним, ненужным, устарелым. Как ни прискорбно явление раздора и смуты в Церкви - мы должны благодарить Бога за него, ибо в это время отделится пшеница от плевел и каждый оглянется на себя и выявит, насколько он христианин православный. Молю Бога, чтобы Он сохранил в истинной Церкви побольше людей, хотя и по Писанию знаю, и из наблюдений над окружающими вижу, что мало останется истинно верующих".

В сентябре текст воззвания к пастве, раскрывающий смысл обновленческого движения, был подан цензору Тверского отдела ГПУ для получения разрешения на публикацию. Цензура ГПУ отказала епископу в публикации и отметила: "Ввиду того, что обращение натравливает одну часть духовенства и верующих на другую, что возбуждается декретом об отделении церкви от государства, который предоставляет право каждому гражданину и обществу верить, во что он хочет, и молиться, кому и как хочет, в печатании данного обращения отказать, а епископа Петра привлечь к ответственности за неподчинение совласти, за применение во время письма дореволюционной орфографии". Такое обвинение в написании письма по дореволюционной орфографии было слишком маленьким, и Тучков, ведавший надзором за Церковью, потребовал от Тверского ГПУ доказать, что епископ Петр распространял воззвание.

ГПУ принялось за допрос близких к архиерею священников. Первым допросили настоятеля Владимирской церкви протоиерея Василия Куприянова. Следователь спросил, каково его отношение к обновленческому движению и ВЦУ.

— ВЦУ, как самозванную организацию, не признаю.

— Что вы можете сказать о неразрешенном воззвании епископа Петра... и считаете ли его преступным, так как таковое является натравливающим как духовенство, так и мирян друг на друга?

— С моей стороны, я преступности никакой не нахожу.

— Как распространяется воззвание среди духовенства?

— Распространителей я не знаю, а также не знаю, было ли таковое распространено.

Снова следователь спрашивал об обновленческом ВЦУ. Наконец это надоело священнику, и он написал: "Если ВЦУ есть управление Государственной Церкви, то об этом должно быть объявлено, и тогда все повинующиеся советской власти естественно будут повиноваться и ВЦУ. А так как Церковь в настоящее время по законам считается отделенной от государства, то ВЦУ для меня является организацией неизвестной; неизвестно, по каким законам и правилам она организовалась; по церковным канонам, как не имеющая начала в церковной Соборной власти, она является для меня организацией болезненной, самочинной, во вред правильным взаимоотношениям между советской властью и Православной Церковью".

На допросе достаточно было выказать малейшее сочувствие процессу обновления и реформирования, как следователи тут же спрашивали:

— Каким путем вы предполагаете провести обновленческое движение?

— Созывом Собора, а до созыва такового я ВЦУ не признаю и считаю таковое самозванным, — ответил священник Алексей Бенеманский, вызванный на допрос в ГПУ по делу епископа Петра.

За неимением серьезных доказательств арестовать епископа и вести дело в Твери местное ГПУ побоялось и 15 ноября сообщило Тучкову: "Епископ Петр предварительным следствием уличен в распространении неразрешенного цензурой обращения и на днях будет арестован со всей кучкой тихоновцев. Просим вашего разрешения препроводить епископа Петра с его компанией и со всем материалом сразу же после ареста к вам во избежание возбуждения фанатиков".

В тот же день секретный отдел ГПУ ответил, что предлагает "выслать епископа Петра и других, проходящих

по этому делу лиц...” в Москву. 24 ноября 1922 года епископ был арестован. Вместе с ним были арестованы протоиереи Василий Куприянов и Алексей Бенеманский, казначей Новоторжского Борисо-Глебского монастыря иеромонах Вениамин (Троицкий), секретарь епископа Александр Преображенский и Алексей Соколов. На следующий день следователи допросили епископа.

— Ваш взгляд и отношение к советской власти?

— Как на рабоче-крестьянскую власть, которую я вполне признаю и подчиняюсь.

— Ваша личная материальная помощь голодающим?

— Был один случай в Вышнем Волочке, где много было пожертвовано в пользу голодающих — пять миллионов рублей, официально зафиксированных сборщиками. В дальнейшем моя помощь голодающим выразилась в даче на тарелку при богослужениях приблизительно по миллиону рублей каждый раз, и были даже такие случаи, когда ко мне непосредственно в покои обращались голодающие за помощью и получали ее. Иногда в виде одежды или хлеба и деньгами. Но главной моею заслугой является не личная помощь, а призыв духовенства и мирян к помощи голодающим.

— Каковы ваши средства к существованию?

— Средства к существованию получаю в виде денег, отчисляемых в приходах на содержание епархии, и таких я получил за все время 22-го года в сумме около тридцати миллионов рублей, а во-вторых, помощь отдельных верующих (но не духовенства). Помощь верующих заключается в даче мне хлеба, картофеля и других продуктов... Других источников не имею. Вся обстановка в покоях, как-то: мебель, столы, ковры и прочее — принадлежит монастырю...

— Ваше отношение к обновленческому движению духовенства вообще и, в частности, к организации Высшего Церковного Управления?

— Обновленческое движение считаю необходимым в Церкви, но в рамках неприкосновенности догматов. ВЦУ считаю канонически незаконным и самозванным учреждением до признания его Поместным Собором Российской Церкви.

— Что вы предпринимали для противодействия деятельности ВЦУ и какова причина организации Совета при епископе?

— Распоряжениям ВЦУ не подчинялся, но противодействий его деятельности не предпринимал совершенно никаких. Совет при епископе был избран духовенством и мирянами 17 августа сего года по моей просьбе, по причине моего болезненного состояния. Избрание Совета произошло не по моей инициативе, так как я просил избрать не Совет, а лишь лиц мне в помощь. Указанный Совет ни разу не собирался, как мне известно, по причине незарегистрирования органами власти.

— Причина активной борьбы, то есть словом и делом, со сторонниками ВЦУ?

— Их еретическое учение, то есть отрицаниерая и ада и тому подобное; кроме этого, они являются, по моему мнению, политическими деятелями, что я вывожу из ряда статей и заметок как в журнале “Живая Церковь”, так и в периодической печати.

— Ваш взгляд и отношение к Патриарху Тихону?

— Признаю его главою Русской Церкви в церковных делах.

— Когда вам стало известно о запрещении цензурой вашего последнего воззвания?

— 23–24 октября.

— Кто и где переписывал с вашего черновика воззвание на машинке, в каком количестве экземпляров и как такие расходились?

— Кто-то из богомольцев взял у меня переписать для предоставления военному цензору и представить мне напечатанным.

— Сколько раз и где вы лично зачитывали указанное выше воззвание?

— Лишь один раз в церкви Николая на Плацу.

— У кого из членов епископского Совета хранится епархиальная переписка в настоящее время и те письма, которых не оказалось в конвертах при обыске?

— Епископского Совета в епархии нет, а поэтому вся переписка, в том числе и сообщения в конвертах, которые найдены при обыске, мною переданы в канцелярию с резолюциями.

— Какие откуда получали сведения о результатах распространения или влияния вашего воззвания?

— Совершенно мне ничего неизвестно.

30 ноября епископ Петр был отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. В декабре ему было предъявлено обвинение в распространении воззвания под заглавием “Возлюбленным о Господе верным чадам церкви Тверской”, направленного “явно против всякого обновленческого движения в церкви и в поддержку контрреволюционной политики Тихона”.

26 февраля 1923 года Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила епископа Петра, священников Василия Куприянова и Алексея Бенеманского, мирянина Александра Преображенского к ссылке в Туркестан на два года, мирянина Алексея Соколова — к ссылке в Нарымский край на тот же срок. После оглашения приговора их перевели в Таганскую тюрьму.

В середине марта на “стояние Марии Египетской” епископа Петра в составе большого этапа отправили в Ташкент. У епископа обострился авитаминоз, вся голова была забинтована. Перед отправкой ему дали личное свидание с духовными детьми, но во все время следования от Таганской тюрьмы до Казанского вокзала никому из провожавших не разрешили подойти близко к осужденным. Одна из духовных чад владыки писала об этой встрече: “Пробравшись на платформу, одна духовная дочь епископа первая увидела за двумя решетками владыку и глазами нам показала. Когда я увидела худое, покрытое особой тюремной бледностью лицо владыки, громко зарыдала. Владыка улыбнулся, и ко мне донеслись его слова, хотя говорил он почти шепотом из-за конвоя: “Как я рад вас видеть. Но почему Вы плачете? Меня не надо жалеть, надо за меня радоваться”.

Лишь в апреле этап прибыл в Ташкент. В пасхальный четверг все были вызваны из тюрьмы в комендатуру ГПУ для назначения на место ссылки. Епископу было объявлено, что в ссылку ему определено ехать в Перовск (ныне г. Кызыл-Орда в Узбекистане). Ташкент они должны были покинуть в один день. Выйдя из комендатуры, епископ Петр с попутчиками отправились разыскивать друзей. Господь же, внемля молитвам страдальцев, послал им навстречу знакомую женщину. Она довела их до дома при соборе, где их уже ожидали члены причта и благочестивые прихожане. Ссылных накормили обедом, тут же послали людей за билетами, но на поезд, которым должен был ехать владыка, билетов не оказалось, и он вынужден был остаться. Всем подарили по рубашке из местной ткани, дали на дорогу куличей, чаю, сахара.

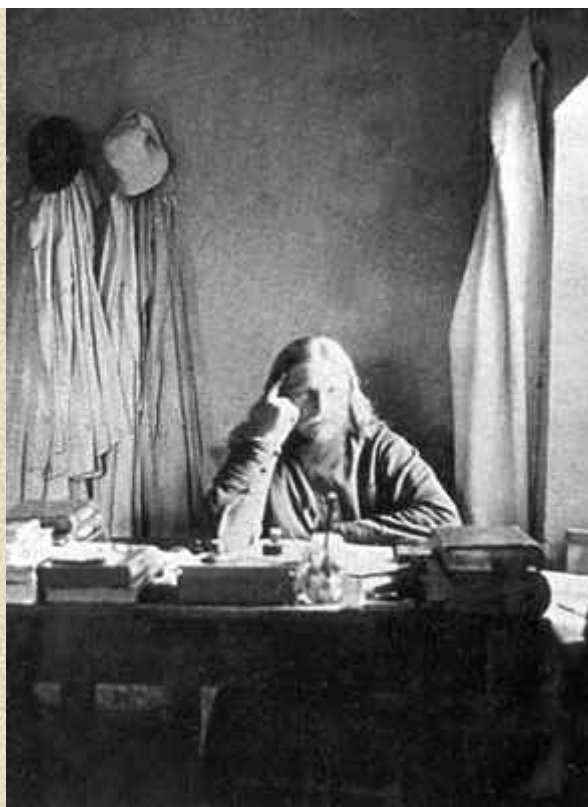

Вечером для владыки настало тяжелое время расставания с о. Алексеем Бенеманским, поезд которого уходил в 23 часа на Самарканд. Целых 2 года они не будут видеть друг друга. Епископ Петр напутствовал всех отъезжающих, а о. Алексей в ответ высказал полные веры, любви и упования на Бога слова. Владыка и все присутствовавшие не могли удержаться от слез. Волнение епископа было столь велико, что он поспешил уйти в приготовленную для него комнату.

Только через год ссыльные стали регулярно переписываться через монахиню Олимпиаду (Пороховицкую). Письма, посланные по почте, пропадали, а верные люди, которые могли бы передать их, встречались редко. Иногда удавалось договориться с машинистом паровоза, который привозил письма. Прочтенные письма тут же бросались в печь. До конца жизни преосвященный будет окормлять свою паству через письма.

Потребность верной паствы в наставлениях владыки была велика. Обновленческий раскол, арест Патриарха, попытка обновленцев захватить власть ставили многих в тупик: как поступать в такой тяжелой обстановке, когда начинаются открытые гонения на Церковь, а власти поддерживают лишь обновленцев. Информационная изоляция не давала правдивой картины, но владыка пытался и здесь поступать по совести. В одном из писем отцу Алексею Бенеманскому он писал: "... Святейший не имел права единолично отменять те канонические правила, которые приняты и утверждены Церковью... Стало быть, если бы он и отменил их, то это было бы незаконно и несогласующиеся были бы правы..."

В 1923 году был освобожден из заключения Патриарх Тихон. Он подал властям список архиереев, без которых не может управлять Церковью. Среди них был епископ Петр. В марте 1924 года епископ Петр писал протоиерею Алексею Бенеманскому: "Спешу возвестить Вам большую радость для Вас, а также поделиться и своей радостью: по случаю смерти Ленина объявлена многим политическим амнистия, и в том числе нам; амнистия сокращает срок наполовину, а так как мы уже отбыли половину своего срока, то и можем теперь ожидать скорой отправки восвояси..."

Епископ Петр в ссылке. Перовск. 1924 год

Возвратившись в 1924 г. из ссылки, владыка Петр стал временно управляющим Московской епархией. После кончины Святейшего Патриарха Тихона он подписал акт от 12 апреля 1925 г. о передаче высшей церковной власти митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому). Вскоре, 16 июля 1925 года, был направлен на Воронежскую кафедру в помощь 84-летнему митрополиту Владимиру (Шимковичу).

В Воронеже епископ Петр служил в огромном пятипрестольном храме во имя Сошествия Святого Духа на Терновой поляне, но больше любил служить в Покровско-Преображенском храме бывшего Девичьего монастыря, при котором и жил. Во время его богослужений храм был всегда переполнен молящимися. Епископ по-прежнему был со всеми приветлив, внимателен и ласков, получая ответную любовь народа. В Воронеже владыка пробыл до осени 1925 года и снова был вызван в Москву к Тучкову.

6 января 1926 года в канун Рождества Христова, скончался митрополит Владимир. Народ, видя возможность преемства в епископе Петре, спрашивал: «Когда же приедет владыка Петр?» Воронежская блаженная, Феоктиста Михайловна, жившая в ту пору в Девичьем монастыре, говорила: «Мясоедом приедет». Владыка Петр приехал 10 января и вместе с прибывшим на погребение митрополитом Курским и Обоянским Нафанаилом (Троицким) отпел почившего митрополита.

Встал вопрос об избрании на Воронежскую кафедру. Прихожане, боявшись за участь владыки Петра, просили его быть более лояльным к советской власти, не выступая против нее. В ответ владыка со свойственной ему кротостью и в то же время ответственностью сказал такие слова: «Видя в единодушном избрании меня трудящимися глас Божий, не дерзаю отказываться и изъявляю свое полное согласие на занятие Воронежской кафедры; что же касается предложенных мне условий, то нахожу их совершенно соответствующими моим убеждениям и моему настроению, ибо, с одной стороны, я твердо верю в то, что подлинное христианство содержится только в исповедуемой нами святой Православной Церкви, а отнюдь не в каких-либо новопоявляющихся незаконных, с канонической точки зрения, религиозных организациях, а с другой — я все время признавал и признаю со всеми трудящимися соввласть, против которой не выступал и не выступаю ни словом, ни делом, а потому добровольно и охотно принимаю предлагаемые мне условия и обязуюсь исполнять их неуклонно, в чем и подписуюсь». В свою очередь, прихожане дали перед властями поручительство в политической

благонадежности архипастыря. После народного избрания на Воронежскую кафедру епископ уехал в Москву, чтобы получить подтверждение от священноначалия. Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей признал это избрание и назначил епископа Петра на Воронежскую кафедру с возведением его в сан архиепископа, сказав при этом, что посылает в Воронеж лучшего проповедника Московской патриархии.

Верующие, встречавшие архиепископа Петра на вокзале, сообщили, что множество православных уже ожидает его в Алексеевском монастыре и желает, чтобы он отслужил панихиду по почившему митрополиту Владимиру, что тот и исполнил. В монастыре владыке подарили иконы святителей Митрофана и Тихона, в надежде на то, что они защитят и сохранят его на Воронежской кафедре. Преосвященный затем не раз отмечал, что в эти скорбные годы верующие Воронежской епархии ощущают реально, что «всех хранят молитвы Матери Божией и святых Митрофана, Тихона и Антония, великих святителей Воронежских», и сам часто обращался к ним.

Время для Церкви было очень тяжелое. Многие храмы Воронежа к этому времени были захвачены обновленцами, которые ненавидели архипастыря. Его четкая позиция по отношению к ним не терпела предательства, лжи и коварства, началось возвращение храмов из обновленчества в православие. Однажды дело дошло даже до председателя Президиума Верховного Совета Калинина. Еще при жизни митрополита Владимира обновленцы пытались захватить Покровско-Преображенскую церковь бывшего Девичьего монастыря, а прихожане решили послать в Москву председателя церковного совета Семена Цикова с просьбой к властям положить предел беззаконию. Перед отъездом Семен пришел к владыке Петру взять благословение на поездку. Владыка благословил и попросил зайти в Москве к Местоблюстителю митрополиту Петру, чтобы все рассказать о происходящих в Воронеже и взять у него для Воронежского архипастыря облачение. Посланец все это благополучно исполнил, что вызвало недовольство властей, когда они об этом узнали.

Во всех возвращающихся в православие церквях архиепископа Петра встречали с крестным ходом, при огромном стечении народа. Перед началом богослужения обновленческие храмы заново освящались. Священники, принесшие покаяние, не сразу допускались к служению - архиепископ благословлял им первое время становиться лишь на клиросе. Однако часть воронежского духовенства была не довольна длинными службами, уходила прямо с богослужения, за что владыка, конечно, переживал, но был верен канонам Церкви и не хотел ослаблять молитву в такое тяжелое для народа и Церкви время. Люди же непрерывном потоком шли к архипастырю за советом. Со служб никто не уходил. Владыке здесь пригодились навыки организации народного пения, которое не только помогало выстаивать долгие службы, но и воодушевляло людей к молитве.

Часто, стоя на кафедре, архиепископ Петр сам запевал “Хвалите имя Господне”, и затем все пели полностью оба псалма афонским распевом. Центр народного пения в храме составлял небольшой хор, который в шутку называли “капеллой”. Им управлял талантливый регент - архимандрит Игнатий (Бирюков). Клиросному послушанию он отдал много лет жизни, собирая от многих мест и затем вводя в церковный обиход древние распевы. После службы люди подходили к архиепископу под благословение, а в это время весь храм пел стихиры и тропари. Ввиду огромного стечения народа на богослужениях архиепископа, верующие рабочие взяли на себя обязанности добровольных блюстителей порядка.

Неизменным спутником и сослужителем архиепископа Петра был архимандрит Иннокентий (Беда). Кроткий и тихий нравом, он был ближайшим помощником архиерея, а впоследствии принял мученический венец за Христа. Его владыка посылал в Саровский монастырь за нотным акафистом преподобному Серафиму, который затем служился каждую среду.

Обновленцы неистовали, теряя свои храмы, и предпринимали все усилия по выдворению архиепископа из города. Его деятельность они называли “петрозвериадой”. Несколько раз архиепископ получал письма с угрозами, был подвержен нападениям: с городской колокольни в него бросали камнями. Власти же изначально не признавали архиепископа главой Воронежской епархии, считаясь с ним как с представителем церкви лишь потому, что его избрали волей рабочих и представителей верующих.

После такого ответа властей верующие рабочие сами принялись за хлопоты по легализации епархиального управления под возглавлением архиепископа Петра. Несколько раз они ходили к председателю исполкома Шарову и настоятельно просили зарегистрировать епархиальное управление. Административный отдел в конце концов

разрешил общегородское собрание верующих, которое должно было заслушать декларацию архиепископа и избрать членов епархиального управления. В свою очередь ОГПУ потребовало от архиепископа повлиять на рабочих, чтобы они не собирали делегации и не ходили к председателю исполкома. Насколько это было возможно, он просьбу выполнил. Взамен ОГПУ обещало в вопросе о регистрации архиепископа договориться с властями.

Видя опасное положение, рабочие предложили учредить охрану архиерея, которая сопровождала бы его на улице, а также оставалась ночевать у него в доме на случай провокации. Чаще всего в доме архиепископа ночевали Петр Атаманов, Семен Циков, Василий Сироштан и Иван Немахов. Владыка был благодарен людям за их заботу и всегда вечером, прежде чем лечь спать, спускался в прихожую узнать, накормлены ли они, и благословить их на ночь. Он мало верил в эффективность охраны, но не мог отказать верующим в их желании защищать главу епархии. Власти, хоть и опасались народа, но не собирались отменять общего гонения на Православную Церковь, разрабатывая план, как арестовать владыку.

Старец Нектарий Оптинский, к которому архиепископ Петр обращался за советами, передал ему: если дело так и дальше пойдет, архиепископу не избежать ареста. Действительно, признание православными архиепископа Петра главой епархии не облегчало бремени его служения, потому что юридически власти признавали Церковь только обновленцев, а существование Православной Церкви больше походило на нелегальное. Поездки владыки по сельским приходам епархии рассматривались как контрреволюционная деятельность, поэтому на них каждый раз требовалось разрешение властей, которое они не давали.

По этому поводу обращался к местным властям председатель церковного совета Семен Циков, но ему отвечали: "Что вы, городские, за деревню беспокоитесь? Служит у вас архиепископ в городе — и ладно, а за деревню вы не хлопочите". После такого ответа Семен Циков направил посланцев в деревенские приходы сказать, чтобы они прислали своих ходатаев, но чем больше людей хлопотало за архиепископа Петра, тем большую ненависть он вызывал у властей.

Архиепископ Воронежский Петр. 1926 год

Обстановка в епархии накалилась до того, что архиепископ счел нужным обратиться с посланием в газету "Воронежская коммуна", желая смягчить напряженность отношений между Церковью и властями в Воронеже, но в ответ последовали вызовы на допросы в ГПУ. Входя в кабинет следователя, архиепископ Петр оглядывался на то

место, где в доме должна быть икона и крестился, кланяясь в пояс. Это раздражало следователей, но некоторые служащие ГПУ невольно при появлении владыки обнажали головы.

Лишенный возможности свободно ездить по приходам епархии, владыка во время Успенского поста каждый день служил акафист Успению Божией Матери, после которого совершался крестный ход вокруг храма Алексеевского монастыря.

Осенью 1926 года под руководством Тучкова должен был состояться съезд обновленцев. К этому времени был усилен надзор за православными, организованы обыски в домах, где жили епископы, не поддержавшие обновленческие течения. Обыск произвели и в квартире архиепископа Петра. В это время у квартиры собралась огромная толпа народа. Владыка надеялся, что этот факт не даст милиционерам забрать его на допрос в отделение милиции, но те предложили подождать лишь немного и выйти через промежуток времени после того, как дом покинет милиция. Но это не помогло, народ ждал, предчувствуя что-то серьезное.

Когда владыка вышел из дома, его встретила толпа числом около трехсот человек, которая пошла вслед за ним и остановилась у входа в милицию. В само здание вошли несколько человек, которые прошли в кабинет начальника отделения, где проводился допрос, и потребовали ответа – на каком основании задержан архиепископ. Также они потребовали, чтобы допрос проходил в их присутствии. Начальник ответил категорическим отказом и заявил, чтобы они покинули помещение. Рабочие вышли на улицу и, обратившись к народу, сказали, что владыку хотят арестовать, между тем как милиция не имеет права вызывать архиепископа для допроса, а должна допрашивать у него на дому. Люди на улице заволновались. Вышедшие из здания милиционеры попытались разогнать толпу силой, но безуспешно. Отовсюду слышались крики, стоны, плач, но люди не расходились. Начальник отделения, видя, что ничто не помогает, пригрозил архиепископу, что он вызовет конную милицию и разгонит верующих.

Архиепископ вышел к народу, пытаясь его хоть как-то успокоить, но люди требовали от начальства дать слово, что владыка не будет задержан. Однако, не смотря на обещание начальника, народ не расходился, требуя освобождения архиерея. Это вызвало гнев начальника, и он отдал распоряжение задержать не только самых близких к архиепископу людей, но и всех тех, кто входил к нему в кабинет. Милиционеры бросились в толпу, но люди сопротивлялись и не давали арестовывать, окружая плотным кольцом каждого из тех, кого милиционеры пытались схватить. С большим трудом удалось арестовать несколько человек. Арест произвел на людей удручающее впечатление, и некоторые стали расходиться. В довершение был вызван конный наряд милиции, который разогнал оставшихся людей. Когда после допроса владыка пришел домой, на улице его ожидало всего несколько человек.

29 октября архиепископ был вызван в Воронежское ОГПУ. Уходя, он нарочито подробно рассказал об этом вызове своему келейнику. В ОГПУ архиерею показали телеграмму, в которой говорилось, что он вызывается к Тучкову в Москву для совещания по церковным вопросам с митрополитами Сергием (Страгородским) и Агафангелом (Преображенским). Когда архиепископ вернулся, то перед домом и в самой квартире его ожидало множество людей. Кто-то из присутствующих посоветовал послать к Тучкову в Москву делегатов, чтобы узнать – зачем его вызывают и в чем состоит его дело. На следующий день архиепископа снова вызвали в ОГПУ. На этот раз он сказал сотрудникам ОГПУ: “Вы сами идете против народа, сами раздражаете его и волнуете; я с вами, чекистами, разговаривать больше не буду, разговаривайте сами с народом и вывертывайтесь, как хотите”. В то же день к архиепископу пришли представители рабочих и сообщили, что они выезжают в Москву для переговоров с Тучковым, а также отправят делегацию на беспартийную рабочую конференцию, которая будет проходить в Москве 27 ноября. Они найдут председателя Воронежского исполкома Шарова и попросят его, чтобы он переговорил с Тучковым.

Архиепископ Петр благословил их на поездку и сообщил домашний адрес Тучкова. В тот же день архиепископу принесли проект двух телеграмм: одну – Тучкову, другую – на имя XV Всесоюзной партийной конференции. Приехав в Москву, Семен Пиков и Алексей Горожанкин пришли к Тучкову домой, чтобы объяснить по поводу вызова Воронежского архиерея в Москву. Тучков, увидя на пороге своей квартиры рабочих, пришедших хлопотать за архиерея, был разгневан до крайности и с раздражением посоветовал им прийти к нему в ГПУ. Зная, что за таким визитом, мог последовать арест, рабочие отправились в Дом Советов, где разыскали председателя Воронежского исполкома Шарова, которого попросили заступиться за архиепископа Петра. Однако

Шаров выступил на конференции с нападками на архиепископа, сказав: “Петр Зверев – духовное лицо, которое под флагом религии может вести и вело рабочих не туда, куда надо”. Затем зачитал телеграмму верующих: “Москва. Президиуму XV Всесоюзной конференции. Через местное Воронежское ГПУ Тучков требует выезда в Москву единственного избранного народом православного Архиепископа Петра Зверева. Вызов Архиепископа волнует верующих рабочих. Для прекращения волнения верующих рабочих и народа запросите Тучкова о причинах вызова архиепископа. Для прекращения волнений затребуйте выезда в Москву делегации верующих рабочих железной дороги”. По прочтении телеграммы некоторые из делегатов вскочили с мест и стали кричать: “Таких людей клеймить!..”

В тот же день была принята резолюция: “Конференция требует тщательного расследования разлагающей единство рабочего класса и враждебной рабочему делу деятельности Петра Зверева... Требует немедленного изолирования и удаления из Воронежской губернии...” А также: “Исключить девять человек, подписавших телеграмму, из профсоюзов и удалить их из производства. Обсудить вопрос об их деятельности и предать суду. Провести показательный процесс! Предать суду Петра Зверева! И наконец – немедленно арестовать архиепископа Петра Зверева”.

Сообщение обо всем этом было опубликовано 28 ноября в газете “Воронежская коммуна”, а ночью к нему уже явились сотрудники ГПУ для произведения обыска и ареста. Когда сотрудники ГПУ начали стучать в дверь, келейник владыки, архимандрит Иннокентий, держал ее на шею, пока архиепископ не сжег все письма и документы, касающиеся других людей, чтобы отвести от них обвинения.

Утром весть об аресте разнеслась по городу, и многие пошли к зданию ГПУ в надежде увидеть своего архиерея. Только к вечеру стража вывела архиепископа Петра из здания и посадила в автомобиль, чтобы везти на вокзал. Верующие бросились к вокзалу, но сотрудники ГПУ оцепили его, не пропустив никого на перрон, пока не отошел поезд.

По прибытии в Москву архиепископ Петр был заключен во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Вместе с архиепископом Петром был арестован архимандрит Иннокентий и другие близкие ему люди, большей частью рабочие: Василий Сироштан, Иван Немахов, Семен Циков, Петр Тимофеев, Дмитрий Москалев, Георгий Пушкин, Мария Марченко, Агриппина Буданова. Следствие вел уполномоченный 6-го отделения СО ОГПУ Казанский. Он спрашивал архиепископа Петра:

— Что за беседы по поводу положения Церкви в государстве бывали у вас с приезжавшими иногда из епархий церковниками? Почему вы там выставляли положение о необходимости мученичества?

— Моя точка зрения по этому вопросу ясна хотя бы из подаваемых мной документов и обращений декларативного характера, — отвечал архиепископ. — Сам я никогда в беседах этого вопроса не поднимал, с кем бы ни разговаривал, но если меня спрашивали, то отвечал. Мне приходилось, возможно, высказывать мнение по этому вопросу по поводу существующей в Православной Церкви группы, непримиримо к государству относящейся, предпочитающей мученичество, то есть, как я понимаю, стеснение в правах и так далее, урегулированию отношений. Может быть, я, знакомясь с этой точкой зрения, когда-нибудь и упустил из виду заявить слушателям, что эта точка зрения не моя, так как, повторяю, я вовсе не считаю, что мученичество в настоящее время выгодно для Церкви. Во всяком случае я думаю, что моя точка зрения была слушателям известна, хотя бы из рассылавшихся обращений. Элемента злостности в разговорах о мученичестве не было безусловно.

В конце марта следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь Казанский писал: “Подъем церковнического активизма совпал с приездом в город Воронеж Зверева Петра, прибывшего в качестве управляющего реакционной церковью губернии... Имя Зверева послужило флагом при выступлениях воронежских черносотенцев. Выступавшие добивались для него всяческих гарантий и исключительных правовых положений. Выступления, начавшись с хождения по разным учреждениям и представителям власти отдельных ходок, вскоре сменились многочисленными депутациями к председателю исполкома и другим; депутации эти не ограничивались хождениями по учреждениям, а очень часто направлялись на квартиры ответственных работников и в повышенном тоне выставляли требования. Через некоторое время шествия этих депутаций начали принимать характер своеобразных демонстраций, причем участие в последних принимали уже не только церковники, но и прочие

граждане города Воронежа...”.

26 марта 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архимандрита Иннокентия, Ивана Немахова, Семена Цикова к трем годам заключения в концлагерь; Марию Марченко, Агриппину Буданову — к трем годам ссылки в Среднюю Азию; Георгия Пушкина — к трем годам ссылки в Казахстан. Остальным предполагали дать большие сроки, но не желая, чтобы дело шло через суд, добились от Президиума ЦИК разрешения вынести приговор самим. 4 апреля Коллегия ОГПУ приговорила архиепископа Петра и Дмитрия Москалева к десяти годам заключения в концлагерь, Василия Сироштана — к пяти годам заключения.

В свое время блаженная Паша Саровская говорила владыке, что он будет заключен в тюрьму трижды. Три тюрьмы уже были позади, и он стал думать — четвертой не будет. Незадолго до ареста дивеевская блаженная Мария Ивановна прислала к нему сказать: "Пусть владыка сидит тихо..."

Этап в Соловецкий концлагерь отправляли с Ярославского вокзала. Власти разрешили духовным детям проводить архиепископа. Владыка, увидев их, крикнул:

— Есть ли тут дивеевские?

Среди провожавших были две дивеевские сестры.

Он им сказал:

— Передайте от меня поклон блаженной Марии Ивановне.

По прибытии владыка был определен в рабочую роту, располагавшуюся в стенах Соловецкого кремля. Здесь он работал сторожем вместе с архиепископом Курским Нектарием. Даже в роли дворника с метлой, владыка внушал благоговейное уважение. Чекисты при встрече не только уступали ему дорогу, но и приветствовали его, на что он отвечал, поднимая руку и осеняя их крестным знаменем. Начальники, наоборот, завидев его, отворачивались, а архиепископ проходил мимо них, опираясь на посох и не склоняя головы.

После освобождения архиепископа Прокопия (Титова), работавшего счетоводом на продовольственном складе, где трудилось одно духовенство, на его место был назначен архиепископ Петр. Жил он в помещении рядом со складом, в маленькой комнате, вместе с епископом Печерским Григорием (Козловым).

Соловецкий монастырь хоть и был разогнан к этому времени, но 60-ти монахам разрешили остаться в лагере вольнонаемными. Им оставили кладбищенскую [церковь во имя преподобного Онуфрия](#), которая находилась за пределами монастырских стен. До 1928 г. священнослужителям из заключенных чекисты разрешали посещать ее. Службы совершались ежедневно - всенощная и литургия. Архиепископ Петр старался бывать на всех службах. Молитва за службами в храме была огромным утешением для всех верующих, особенно для духовенства. Все необходимое для службы присылали духовные чада из разных уголков страны. Свои просьбы владыка писал в письмах: «Когда откроется навигация, то вы каждую неделю высылайте по пять дикириев и трикириев свечей: стеарин не надо, также не надо мыла, но в первой посылке пришли кlobук, лишь уложи его получше, чтобы не забыть его. Прошу молитв. Тебя и всех благословляю. Господь да хранит всех во здравии и благополучии».

Из Соловков архиепископ Петр старался писать как можно чаще, но условия заключения, порой, не позволяли делать этого. Многие письма не доходили, проходя строгий контроль, но ни на минуту владыка не забывал о своей пастве: «... Живу воспоминаниями и храню в своем сердце Богом данную мне паству, за которую молюсь и которую благословляю. Слава Богу за всё ниспосланное!» Особое значение он придавал молитве друг за друга. Очень часто владыка просил молитв у воронежской блаженной Феоктисты Михайловны, которую очень почитал. Когда в концлагере тяжело заболел о. Иннокентий и был уже при смерти, архиепископ Петр просил своих чад читать после смерти батюшки Псалтирь, хотя бы по одной кафизме в день в течение шести недель, а усердным в молитве и до году. Сам же, видя неминуемый конец жизни о. Иннокентия, заранее готовил его к отходу в вечность, пока тот не смирился и не предал свою жизнь в руки Божии. Не забывал архиепископ поддерживать и свою паству словами любви и утешения. Вот отрывок из одного письма: «...Поздравляю вас, любезная о Господе А. Л., с наступающими праздниками Рождества Христова, Обрезания и Крещения Господня. Молитвенно желаю вам от Господа всяких милостей и спасения душевного — последнее самое главное: будет оно, будет и все остальное,

только сумеете полюбить Христа, сумеете Им единым дышать, жить, о Нем лишь думать, к Нему стремиться, о Нем беседовать, Его слова в Евангелии читать, заучивать и воплощать в жизни. Сумеете полюбить Христа, и всем около вас будет тепло, покойно и не тесно. Помолитесь, чтобы и меня Господь научил этой единственно нужной науке. Благодарю вас и всех, особенно помолвившихся и воздохнувших обо мне в годовщину моей разлуки с вами. Этот год и дальность расстояния не только не охладили моего сердца, но я еще более люблю всех вас о Господе и всем благожелаю. Будьте здоровы, мирны и благополучны, и да хранит вас всех Матерь Божия и святые святители наши. Мир всем и Божие благословение. *Грешный архиепископ Петр».*

Писем всегда приходило очень много, каждый хотел поддержать владыку и получить от него хотя бы благословение, ибо в молитве его всегда чувствовалась сила и благодать. Недаром за такое краткое время служения то в одном, то в другом месте, он приобретал себе верных чад, которые не оставляли его в самых тяжелых обстоятельствах. И причиной этого была любовь, которая скрепляла их отношения на протяжении всей жизни: «Если я от юности приучал себя с любовью относиться даже и к тем, кто питал ко мне враждебные и неприязненные чувства, то отсюда можете заключить, какую благодарностью и благорасположенностью наполнено мое сердце к тем, кои и любят меня, и творят мне добро, хотя и не заслуженное с моей стороны. Но если бы и этого не было, то все равно мое сердце было бы полно любовью, как и есть это, так как духовная связь крепче всяких других отношений, ибо мои чувства диктуются мне моим долгом и моими обязанностями».

6 января 1928 г. скончался находившийся в заключении на Соловках [архимандрит Иннокентий \(Беда\)](#). Архиепископ торжественно отпел своего келейника в Онуфриевской церкви при участии 30 священнослужителей и сочувствующих заключенных. Своей обязанностью архиепископ Петр считал и заботу о духовенстве, которое пребывало вместе с ним в заключении. В своей маленькой комнатке он принимал всех, кто желал с ним побеседовать, поил чаем и кормил. Вскоре лагерной администрации было донесено, что в комнате архиепископа Петра собирается духовенство, и, хотя разговоры велись исключительно на религиозные темы, лагерное начальство решило наказать архиепископа. К тому же стало известно, что владыка отпел умершую на Соловках «белую» уборщицу императрицы Александры Федоровны Валентину Карловну. По другим сведениям, архиепископ Петр был наказан за то, что крестил в Святом озере заключенную эстонку. Возможно, фактов было несколько, но в результате владыку отправили в Троицкую штрафную командировку 6-го отделения, находившуюся на острове Анзер.

В начале октября 1928 года два священника проводили высокопреосвященного Петра от Соловецкого кремля до Филимонова, где находился в то время архиепископ Иларион. Монахиня Серафима рассказывала: "В Соловках владыка особенно подружился с архиепископом Иларионом (Троицким). Он даже завещал ему свою перламутровую панагию с Тайной Вечерей, но владыка Иларион скончался раньше его в Ленинградской тюрьме, при пересылке в Ташкент. Помню, рассказывали, что в Соловках поминали старшего архиерея "Соловецким". Старшим был Иларион, а как только его посадили на пароход (на отправку в этап), в церкви за службой запели: "...Высокопреосвященного Петра, архиепископа Соловецкого". Это означало, что после отъезда с Соловков архиепископа Илариона ссыльный епископат в знак особого уважения избрал архиепископа Петра архипастырем, главой Соловецкого православного духовенства.

На острове были тяжелые условия для существования, а вернее, выживания узников, но место это было святое. Давным-давно, еще в 18 веке, на острове Анзер Матерь Божия явилась монаху Иисусу и сказала: "На этом месте пусть будет сооружен скит во имя страданий Моего Сына. Пусть живут двенадцать иноков и будут все время поститься, кроме субботы и воскресенья. Придет время, верующие на этой горе будут падать от страданий, как мухи". Впоследствии на этом месте было воздвигнуто два храма: каменный в честь Распятия Господня с приделом в честь Успения Пресвятой Богородицы и деревянный, Воскресения Господня, под горой. Поселившись в бывшем Голгофском скиту, владыка Петр, в молитвенном горении духа написал акафист преподобному Герману Соловецкому. Открытки с частями текста он посылал своим духовным чадам, которые впоследствии смогли собрать и восстановить весь текст акафиста.

До конца своей жизни архиепископ Петр нес свой монашеский подвиг, усиливающийся не зависящими от него обстоятельствами, но приводящий к вратам рая за огромное терпение и упование на Бога. Владыка и в этих условиях строго соблюдал молитвенное правило, жил по церковному Уставу. Все происходящее он считал за Промысел Божий, ведущий ко спасению, поэтому пытался нести свой тяжелый крест достойно званию архипастыря и монаха. В это тяжелое время он писал: "Слава Богу за всё, что пришлось мне за это время пережить и переживать. Нынешний раз как-то особенно грустно и скорбно я встретил и провожу праздники – ведь шестые праздники провожу вне дома, не с теми, с кем бы желалось. Но всё это решительно надо терпеть. Ну, что делать. Не так живи, как хочется, а как Бог велит... У нас, по-видимому, настала настоящая зима, с ветрами и метелями, так что ветер едва не валит с ног... Живу в уединенном и пустынном месте на берегу глубокого морского залива, никого не вижу, кроме живущих вместе, и могу воображать себя пустынножителем..."

Анзер. Троицкая командировка

Сколько боли, скорби, изнурительного труда в невыносимых погодных условиях, издевательств над заключенными скрывалось за этими строчками, но владыка не проронил ни слова, которым мог осудить всю нечистоту и беззаконие, царившее в концлагере. Еды катастрофически не хватало, нужных медикаментов не было, да и кто обращал внимание на состояние узников, если они считались полуживой рабочей силой? Из тысячи заключенных, находившихся в то время на острове, за зиму 1928–1929 года умерло пятьсот человек. Вблизи храма Воскресения Господня сразу за монастырским кладбищем были вырыты большие братские могилы, куда складывали всю зиму умерших, а сверху ямы закрывали лапником. И все же архиепископ не терял надежды, благодаря Бога и людей, молясь о страждущих, поддерживая угнетенных. «Только теперь имею возможность отправить вам желаемую вами открытку с видом Варваринской часовни, - писал владыка. - Не могу словами выразить моей глубочайшей благодарности за все решительно и могу лишь молиться за вас, пока Господь даст жизни. Да хранит вас Бог от всех козней дьявольских ради вашего чистого и бескорыстного усердия! За молитвы многих я пока жив и здоров. Особенно по сердцу пришлось мне ваше пожелание к празднику не чувствовать острой боли и тоски. Спаси Господь... Я же кровно соединен со своей паствой и не могу не молиться за нее и не беспокоиться о ее благополучии, мире, здравии, спасении. Вам, вашим родным и всем мир и Божие благословение. Благодарность. Сана на адресах никто не пишите...»

Голгофо-Распятский храм

Среди истощенных анзерных узников начался повальный тиф. Умерло около 500 человек – половина из всех заключенных. В храме Распятия Господня Голгофо-Распятского скита разместили госпиталь, но это не могло остановить уже распространившуюся болезнь. В январе 1929 года архиепископ Петр заболел тифом и был увезен в больницу. В одной палате с ним лежал ветеринарный врач, его духовный сын. Их палата размещалась у алтаря церкви Распятия Господня. Один из очевидцев свидетельствует: "Картина, которую я застал по приезде своем на Голгофу был ужасна, название Голгофы вполне оправдалось. В тесных помещениях, битком набитых людьми, стоял такой спертый дух, что само пребывание в нем более продолжительное время казалось смертельным. Большая часть людей, несмотря на мороз, была совершенно раздета, голые в полном смысле слова, на остальных - жалкие лохмотья. Истощенные лица, скелеты, обтянутые кожей, голыми выбегали шатаясь, из часовни (церкви Воскресения Христова) к проруби, чтобы зачерпнуть воды в банку из-под консервов. Были случаи, когда, наклонившись, они умирали".

7 февраля (25 января по ст. стилю) 1929 г., в день празднования иконы Божией Матери «Утоли моя печали», в 4 часа утра архиепископ Петр услышал шум, как будто от влетевшей стаи птиц. Ему явилась святая великомученица Варвара со многими девами, среди которых были мученицы Анисия и Ирина. Святая Варвара подошла к постели владыки и причастила его Святых божественных Христовых Таин.

*Анзер. Одна из бывших тюремных камер больницы,
устроенной в храме Распятия Господня*

В этот день врачи заметили улучшение в состоянии владыки, решив, что кризис миновал, но святитель Петр чувствовал приближающуюся кончину. Перед смертью он несколько раз написал на стене карандашом: "Жить я больше не хочу, меня Господь к Себе призывает".

То же самое почувствовала находящаяся в заключении на Анзере монахиня Арсения, которая хранила вещи высокопреосвященного Петра. Она неоднократно посылала владыке постригальную свитку, но всякий раз он отсылал ее обратно. 7 февраля ей сообщили, что в болезни наступил перелом, но она спросила:

— А в чем он лежит?

— В казенной короткой рубашке, — ответили ей.

Тогда монахиня послала владыке свитку, которую он хранил на смерть. Когда ему подали ее, он сказал:

— Как к делу она послала ее. Теперь оботрите меня губкой.

В тот же день в семь часов вечера владыка скончался. Священники желали облачить его в мантию и малый омофор, которые еще во время болезни были присланы с острожского кремля, но разрешение на это не было получено. Начальник 6-го отделения не разрешил и торжественного отпевания, отпустив на погребение лишь трех священников и двух мирян. В мастерской хозяйственной части позволили сделать гроб и крест.

Погребение было назначено на воскресенье 10 февраля. Однако начальник отделения изменил свое решение, распорядившись бросить тело владыки в общую могилу, к тому времени уже доверху заполненную умершими. Вечером священники отправились к начальнику и потребовали исполнить данное им ранее обещание. Тот сказал, что уже поздно, поскольку тело архиепископа уже завалено в общей могиле землей и снегом, а раскопать его он не даст.

Ночью стало известно, что это распоряжение лагерного начальства не было выполнено, могила осталась незарытой. Обрадованные священники совершили панихиду в канцелярии хозяйственной части, а затем пустой гроб и крест отвезли на Голгофу. В это же время четыре человека выкопали отдельную могилу напротив алтаря

Воскресенского храма. Затем отправились к общей могиле за честным телом архиепископа Петра. Освободив могилу от еловых веток, три священника подняли тело владыки на простыне. Расчесав волосы и отерши лицо, начали прямо на снегу облачать преосвященного. Весь он был белый и мягкий, как будто вчера только умер. Облачили его в лиловую новую мантию, клобук, омофор, дали в руки крест, четки, Евангелие и совершили отпевание. Перед тем как вложить в руку владыки разрешительную молитву, все три священника расписались на ней.

*Анзер. Храм Воскресения Господня.
Крест на могиле архиепископа Петра*

Монахиня Арсения спросила:

— Почему вы расписываетесь? На молитве ведь не расписываются?

Они ответили:

— Если время переменится, будут обретены мощи владыки, будет известно, кто его хоронил.

Рукопись подписали: архимандрит Константин (Алмазов) из Петербурга, барнаульский отец Василий и отец Димитрий из Твери. На отпевание было около двадцати человек. После отпевания кто хотел, произнес слово, затем опустили останки священномученика в могилу, поставили на ней крест и сделали надпись. Один из хоронивших архиепископа священников рассказывал впоследствии, что когда зарыли могилу, над ней стал виден столп света и в нем явился владыка и благословил их.

Весной 1929 года по распоряжению лагерного начальства все кресты на Соловецких кладбищах были сняты и обращены в дрова.

*Панихида у могилы архиепископа Петра.
Анзер. 17 июня 1999 года*

Как местночтимый святой Воронежской епархии владыка был канонизирован в 1999 г. Рабочая группа при Синодальной комиссии по канонизации святых установила место захоронения священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского и обнаружила групповые захоронения периода Соловецкого лагеря. На месте погребений была отслужена панихида и поставлены могильные кресты. Честные мощи священномученика Петра (Зверева) были обретены 17 июня 1999 года за алтарем церкви Воскресения Христова. Мощи были положены в Спасо-Преображенском соборе Соловецкого монастыря, а затем перенесены в монастырскую церковь святителя Филиппа, митрополита Московского. На месте обретения мощей, за алтарем церкви Воскресения Христова, поставлена часовня.

В 2000 г. произошло торжественное прославление святого в лике священномучеников для общего церковного почитания. С этого же года в Голгофо-Распятском скиту возобновилась иноческая жизнь. 9 августа 2009 г. по просьбе многочисленных верующих мощи священномученика Петра (за исключением главы, которая осталась на острове Анзер) переданы Воронежской епархии в Алексиево-Акатов монастырь.

Память священномученика архиепископа Петра (Зверева) совершается в день его кончины 25 января/7 февраля, в день обретения мощей 4/17 июня, а также в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских.

Источники

Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 7564-С.

Архив УФСБ РФ по Воронежской обл. Арх. № П-19568. Т. 2.

Газета "Воронежская коммуна". 1926. № 274.

Игумен Дамаскин (Орловский) Житие священномученика Петра (Зверева; 1878-1929), архиепископа Воронежского - Тверь, 2001 г.

Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 122.

Новгородские епархиальные ведомости. 1908. № 7. С. 196.

Отчет о состоянии Казанской Духовной Академии за 1901–1902 уч. г. Казань, 1902. С. 22, 53, 143.

Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Ò. 2. Джорданвилл, 1957. С. 56–66.

Троицкое слово. ТСЛ, 1990. № 6. С. 20–27.

Тульские епархиальные ведомости. 1910. № 32. С. 378, 570; № 43–44. С. 775–776; 1913. № 22. С. 416–417.

Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания (записки соловецкого узника). М., 1997. С. 93–94, 101–102.

Церковные ведомости. СПб., 1909. № 28. С. 284; 1916. № 45. С. 401.

<http://fond.centro.ru/book/book4/4-02.htm>

http://www.solovki.ca/new_saints_12/12_08.php

<http://mystudies.narod.ru/library/z/zverev.html>